

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Петр Малков

ДРЕВНЕЦЕРКОВНЫЕ
ТОЛКОВАНИЯ
ТРУДНЫХ МЕСТ
ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА

Богословский анализ
содержания источников

Три очерка

Москва 2023

УДК 27-277+27-247.8
ББК 86.37-22,041.1
М19

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р23-309-0229

Научный редактор

доктор теологии, канд. филос. наук, зав. кафедрой восточно-христианской
филологии и Восточных Церквей богословского факультета ПСТГУ
прот. Олег Давыденков

Малков П. Ю.

М19 **Древнецерковные толкования трудных мест Евангелия от Иоанна** : Богословский анализ содержания источников : Три очерка / П. Ю. Малков. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2023. — 312 с.

ISBN 978-5-7429-1517-1

Известно, что Евангелие от Иоанна содержит многочисленные таинственные догматические и духовно-нравственные смыслы и особенно сложно для понимания. Книга П. Малкова «Древнецерковные толкования трудных мест Евангелия от Иоанна. Богословский анализ содержания источников. Три очерка» посвящена обзору святоотеческих толкований нескольких фрагментов четвертого Евангелия. Для чего Господь при исцелении слепорожденного *сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому* (Ин. 9: 6)? По какой причине *Иисус прослезился*, прежде чем воскресить Лазаря (Ин. 11: 35)? И, наконец, почему Господь по Своем Воскресении из мертвых запретил прикоснуться к Нему Марии Магдалине, сказав: *Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему* (Ин. 20: 17), но позволил это сделать Фоме, повелев: *Подай руку твою и вложи в ребра Мои* (Ин. 20: 27)? Древнецерковные ответы на эти недоуменные вопросы легли в основу трех очерков, составивших данную книгу.

УДК 27-277+27-247.8
ББК 86.37-22,041.1

ISBN 978-5-7429-1517-1

© Малков П. Ю., 2023
© Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета, 2023

Содержание

Введение	5
<i>Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому</i> (Ин. 9:6): чудо исцеления Христом слепорожденного в древнецерковной экзегезе.....	21
<i>Иисус прослезился</i> (Ин. 11:35): слезы и скорбь Сына Божия у гробницы праведного Лазаря в древнецерковной экзегезе	80
<i>Не прикасайся ко Мне</i> (Ин. 20:17) — <i>подай руку твою и вложи в ребра Мои</i> (Ин. 20:27): явление Воскресшего Христа Марии Магдалине и уверение апостола Фомы в древнецерковной экзегезе.....	115
Благодарности	294
Принятые сокращения наименований библейских переводов и патристических серий	294
Источники и литература	295
Именной указатель древнехристианских писателей	310

Введение

Евангелие от Иоанна занимает среди новозаветных книг поистине уникальное место. Это хорошо ощущали принадлежавшие к самым различным традициям и школам древнецерковные экзегеты, всегда обращавшиеся к его истолкованию с особой вдумчивостью, величайшим благоговением и сердечным трепетом. При этом они настойчиво подчеркивали те особенности богословского и духовно-нравственного содержания, что присущи именно четвертому Евангелию. И, конечно, же особую роль в толкованиях экзегеты отводили личности автора четвертого Евангелия — святому Иоанну Богослову, который и сам является одним из значимых действующих лиц евангельского повествования: *Ученик, которого любил Иисус* (ср.: Ин. 13: 23)¹. Призванный в число апостолов Господа прежний рыбак (см.: Мф. 4: 21; Мк. 1: 19–20; Лк. 5: 1–11) оказался свидетелем самых важных событий в истории Спасения человеческого рода: внимая проповеди Иисуса, поражаясь сотворенным Им чудесам, восходя вслед за Господом на Фавор вместе с Петром и Иаковом и став здесь зрителем нетварной славы Преображения (см.: Мф. 17: 1–9; Мк. 9: 2–9; Лк. 9: 28–36), возлежа во время Тайной Вечери возле груди Христа (см.: Ин. 13: 23), присутствуя при Его Гефсиманском борении (см.: Мф. 26: 36–46; Мк. 14: 32–42; Лк. 22: 39–46),

1 Достаточно подробный обзор древнецерковных свидетельств о житии апостола и евангелиста Иоанна Богослова, о святости его личности и о духовном значении принадлежащих ему новозаветных книг см.: *Culpepper R. A. John, the Son of Zebedee: The Life of a Legend. Columbia, 1994.*

единственным из числа всех апостолов предстоя у Креста во время Распятия и оказавшись тогда усыновленным Пресвятой Богородице (см.: Ин. 19:25–27) и, наконец, сделавшись неложным свидетелем Воскресения (см.: Ин. 21:20–24) и Вознесения (см.: Лк. 24:50–52) Господа. При этом Иоанн не только описал в четвертом Евангелии — подобно синоптикам — земной путь Спасителя навстречу Его Кресту и Восстанию из мертвых, но также и запечатлел на страницах своей книги многочисленные таинственные небесные истины. Главнейшей же темой Евангелия от Иоанна, как свидетельствует сам его автор, стала благая весть о том, что Господь Иисус Христос есть совершенный Бог, Единородный Сын Небесного Отца, воплотившийся и сделавшийся ради нашего спасения Человеком, *Сыном Человеческим* (ср.: Ин. 13:31). Он — Бог и вместе с тем Человек, и благодаря этому мы Им и в Нем оказались спасены. Иоанн ясно говорит о цели создания своего Евангелия: *Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его* (Ин. 20:31).

Такой важнейшей и центральной для Евангелия от Иоанна богодухновенной убежденности в том, что Господь Иисус Христос есть Единородный Сын Небесного Отца, настойчиво вторят и древнецерковные богословы, экзегеты. Так, святитель Иларий Пиктавийский в сочинении «О Троице», комментируя речение апостола Иоанна: *Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его* (Ин. 20:31), свидетельствует: «Верить в то, что Иисус Христос есть Сын Божий — вот истинное спасение, вот признак веры совершенной. Ведь в нас не может быть любви к Богу Отцу, если мы не веруем в Его Сына... И сам [Иоанн] говорит [об этом] в своем Послании: *Всякий... любящий Отца, любит и Рожденного от Него* (ср.: 1 Ин. 5:1)»². Тем самым только силой постоянно растущей и крепнущей

2 *Hilarius Pictaviensis. De Trinitate. VI. 42 // Hilaire de Poitiers. La Trinité. T. 2. Livres IV–VIII / Sources chrétiennes* (далее в тексте сносок — SC). 448 / Ed. G. M. de Durand, Ch. Morel et G. Pelland. Paris, 2000. P. 254. Ср. мысль Оригена: «...начатком Евангелий является... Евангелие от Иоанна... Никто из [евангелистов]... не явил так полно Божества Его [Христа], как Иоанн, вложивший в уста Его: *Я свет миру* (Ин. 8:12); *Я есмь*

в нас веры во Христа как в Сына Божия, мы, христиане, и можем стяжать спасение, достичь вечной блаженной жизни.

Вместе с тем древнецерковные толкователи столь же настойчиво подчеркивают, что Иоанн проповедует о Боге Слове именно как о сделавшемся Человеком: как о Сыне Божиим, пришедшем в мир во плоти, и тем мир спасшем. Причем дело совершённое здесь Сыном Божиим — Его Воплощение и Крестная Смерть — есть дар и подвиг Его общей с Отцом Божественной любви. Святитель Григорий Палама в «Беседе в день памяти святого апостола и евангелиста и весьма возлюбленного Христом Иоанна Богослова» свидетельствует, что Иоанн «возвестил нам Самошедшее с Неба Слово, ставшее ради нас плотью (ср.: Ин. 1:14), и яснейшим образом изобразил всё Его жительство во плоти на земле: слова, дела, Страсти, Воскресение, совершившееся после Креста, и последовавшее за этим Восшествие на Небеса (ср.: Ин. 20:17), откуда Он и сошел. И это всё, чему он [Иоанн] сам был очевидец, он описал ради нас, дабы мы спаслись... [И как] именуемый *любимым* [учеником] (ср.: Ин. 13:23; Ин. 19:26 и др.), он нам изъясняет о самой главной добродетели, то есть — о любви; говоря, что *Бог есть любовь* (1 Ин. 4:8), так что имеющий любовь, имеет и Бога, и *пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в том, в ком пребывает любовь* (ср.: 1 Ин. 4:16)»³.

Действительно, апостол Любви, провозгласивший *Бог есть любовь* (1 Ин. 4:8, 16) и донесший до нас слова Бога-Любви: *Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей* (Ин. 15:9), и: *Нет больше той любви, как если кто положит душу*

путь и истина и жизнь (Ин. 14:6); *Я есмь воскресение* (Ин. 11:25); *Я есмь дверь* (Ин. 10:9); *Я есмь пастырь добрый* (Ин. 10:11); и в Откровении: *Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний* (Откр. 22:13)» (Origenes. Commentarii in Evangelium Joannis. I. 4 // Origenes. Werke. Vol. 4 / Ed. E. Preuschen. Leipzig: Hinrichs, 1903. S. 7–8. Рус. пер.: Ориген. Толкования на Евангелие от Иоанна. I. 4. СПб., 2018. С. 35).

³ *Γρηγόριος Παλαμάς*. Εἰς τὸν ἅγιον ἀπόστολον καὶ εὐαγγελιστὴν καὶ τῷ Χριστῷ ἐξόχως ἠγαπημένον Ἰωάννην τὸν θεολόγον // *Γρηγορίου τοῦ Παλαμά ἅπαντα τὰ ἔργα*. Τ. 11. Ομιλίαι (ΜΓ' — ΞΓ') // Ἑλληνες Πατέρες τῆς Ἐκκλησίας (далее в тексте сносок — ЕПЕ). Τ. 72. Θεσσαλονίκη, 1986. Σ. 50–52. Рус. пер.: *Григорий Палама, свят.* Беседа в день памяти святого апостола и евангелиста и весьма возлюбленного Христом Иоанна Богослова // *Григорий Палама, свят.* Гомилии. Саратов, 2019. С. 23–24.

свою за друзей своих (Ин. 15:13) — и сам, по свидетельству древнецерковной традиции, был на протяжении всей своей долгой жизни подлинным олицетворением этой любви. Так, например, блаженный Иероним Стридонский в «Толковании на Послание к Галатам» приводит яркую и трогательную подробность, касающуюся последних лет жизни апостола Иоанна: «Блаженный Иоанн евангелист, проживший до глубокой старости в Эфесе и с трудом относимый в церковь на руках учеников, будучи уже не в силах много и внятно говорить, обычно повторял на каждом собрании только одно: “Деточки, любите друг друга”»⁴.

По убеждению древнецерковных писателей, Евангелие от Иоанна можно прежде всего определить (данная формулировка принадлежит Клименту Александрийскому) как «Евангелие духовное»⁵. И действительно, уже самые первые стихи этой новозаветной книги существеннейшим образом отличаются от начальных евангельских глав, принадлежащих трем другим евангелистам. Так, если Марк (который, впрочем, все же констатирует в начале Евангелия, что *Иисус Христос* есть именно *Сын Божий*; ср.: Мк. 1:1) и особенно Матфей и Лука, говорят прежде всего о земном — об исторических событиях, предшествовавших Рождению Спасителя, о Его Рождестве, о Крещении Господа на Иордане Предтечей, — то Иоанн Богослов начинает с небесного и вечного: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог* (Ин. 1:1). Как раз об этом и размышляет святитель Иоанн Златоуст в «Беседе 1-й на Евангелие от Матфея»: «Он [Иоанн] начинает не с земного, подобно прочим евангелистам, а с небесного, которое он по преимуществу имел в виду, и для того составил всю

4 *Eusebius Hieronymus Stridonensis*. In Epistolam ad Galatas // Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J. P. Migne (далее в тексте сносок — PL). Vol. 26. Paris, 1845. Col. 433C.

5 Эти слова Климента Александрийского доносит до нас в «Церковной истории» Евсевий Кесарийский: «Иоанн... видя, что... [другие три] Евангелия возвещают земные дела Христа, написал, побуждаемый учениками и вдохновленный Духом, Евангелие духовное» (*Eusebius Caesariensis*. Historia ecclesiastica. VI. 14. 7 // Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J. P. Migne (далее в тексте сносок — PG). Vol. 20. Paris, 1857. Col. 552B. Рус. пер.: *Евсевий Памфил*. Церковная история. VI. 4. 7. М., 1993. С. 212).

книгу. Впрочем, не только в начале, но и во всем Евангелии он возвышеннее прочих [евангелистов]»⁶. Со Златоустом соглашается и святитель Григорий Палама, который в «Беседе в день памяти святого апостола и евангелиста и весьма возлюбленного Христом Иоанна Богослова» настаивает: Иоанн в своем Евангелии «мощью и высотой богословия... в большой мере превзошел» прочих евангелистов⁷. И святитель Кирилл Александрийский, подчеркивая в «Толковании на Евангелие от Иоанна» уникальность, предельную высоту и одухотворенность четвертой новозаветной книги, имеющих своим главнейшим источником благодатное вдохновение и величайшую меру личной святости ее автора-апостола, провозглашает: «Блаженный Иоанн... посредством как бы пламенеющего и огненного движения ума решается касаться самих превышающих ум человеческий предметов и дерзает изъяснять неизреченное...»⁸

По убеждению древних толкователей, именно с поистине небесной высотой богословия Евангелия от Иоанна и оказался тесно связан усвоенный церковной традицией этому евангелисту его духовный символ — образ орла. Орел — птица высоко летящая, парящая в самом поднебесье, в свете ярких солнечных лучей, и влюбленная в эту высоту; орел смотрит зорко, он стремителен в своем полете и в то же время преисполнен особой величественной красотой. Всё это и позволяет церковным экзегетам постоянно и настойчиво сравнивать как самого Иоанна Богослова, так и содержание его поистине горнего Евангелия, с орлом, парящим в духовном Небе и ярко озаряемым лучами *Солнца Правды* — Христа (ср.: Мал. 4:2).

6 *Ioannes Chrisostomus. Homiliae in Matthaeum. 1 // PG. Vol. 57. Paris, 1862. Col. 17. Рус. пер.: Иоанн Златоуст, свят. Беседа 1-я на Евангелие от Матфея. 3 // Иоанн Златоуст, свят. Творения. СПб., 1901. Т. 7. Кн. 1. С. 9.*

7 *Γρηγόριος Παλαμᾶς. Εἰς τὸν ἅγιον ἀπόστολον καὶ εὐαγγελιστὴν καὶ τῷ Χριστῷ ἐξόχως ἠγαπημένον Ἰωάννην τὸν θεολόγον // Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ ἅπαντα τὰ ἔργα. Τ. 11. Ομιλίαι (ΜΓ' — ΞΓ') // ΕΠΕ. Τ. 72. Σ. 48.*

8 *Cyrillus Alexandrinus. In Joannem. I // PG. Vol. 73. Paris, 1864. Col. 21B. Рус. пер.: Кирилл Александрийский, свят. Толкование на Евангелие от Иоанна. I // Кирилл Александрийский, свят. Творения. М., 2001. Кн. 2. С. 438.*

Можно припомнить, что символ евангелиста Иоанна — орел, вместе с символами трех других евангелистов — человеческой фигурой, львом и тельцом — берет свое начало еще в Ветхом Завете, в книге пророка Иезекииля. Здесь описывается явление Иезекиилю четырех таинственных животных, обладавших лицами человека, льва, тельца и орла: *И я видел, и вот, бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из середины огня; и из середины его видно было подобие четырех животных, — и таков был вид их: облик их был, как у человека; и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла; а ноги их — ноги прямые, и ступни ног их — как ступня ноги у тельца, и сверкали, как блестящая медь. И руки человеческие были под крыльями их, на четырех сторонах их; и лица у них и крылья у них — у всех четырех; крылья их соприкасались одно к другому; во время шествия своего они не оборачивались, а шли каждое по направлению лица своего. Подобие лиц их — лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех* (Иез. 1:4–10). Именно эти пророческие образы из книги Иезекииля и оказались — уже в новозаветную эпоху — тесно увязаны святыми отцами-экзегетами с содержательными и богословскими особенностями каждого из четырех Евангелий. Следует отметить, что символы человека, льва, тельца и орла поначалу связывались теми или иными древнецерковными авторами с разными евангелистами, однако постепенно закрепились — в согласии с версией, предложенной блаженным Иеронимом Стридонским, — человек за Матфеем, лев за Марком, телец за Лукой и орел за Иоанном⁹. Как пишет о символической фигуре орла в «Толковании на Евангелие от Матфея» блаженный Иероним, тесно увязывающий этот образ именно с ветхозаветными образами животных из пророчества Иезекииля, «четвертое [лицо относится] к евангелисту Иоанну, который, приняв крылья орла и устремляясь в высоту, рассуждает о Слове Божиим»¹⁰. С тех пор о небесном орле, как о духовном символе Иоанна Богослова и его

⁹ См.: *Eusebius Hieronymus Stridonensis. Commentarii in Evangelium Matthaei // PL. Vol. 26. Col. 19BC.*

¹⁰ *Ibid. Col. 19C.*

Евангелия, размышляли очень многие святые отцы. Так, например, блаженный Августин в «Рассуждении 36-м» из его обширного цикла проповедей «Толкование на Евангелие от Иоанна», истолковывая символы каждого из четырех евангелистов, поясняет в отношении Иоанна: «Остается орел. Это собственно Иоанн, проповедник возвышенных [истин], созерцавший твердым взором глубинный и вечный свет. Ибо рассказывают, что родители [-орлы] так испытывают своих птенцов: отец держит их в когтях и обращает к лучам солнца; того, который будет смотреть на него безотрывно, он признает [своим] детенышем, если же какой начинает отворачивать взор, [отец] выпускает его из когтей, словно незаконнорожденного. Так вот, посмотрите, насколько возвышенно должен был говорить тот, кто сравним с орлом...»¹¹ А в сочинении «О согласии евангелистов» блаженный Августин, продолжая развивать эту же тему, но теперь уже придавая ей богословское звучание, пишет: «Иоанн... сосредоточил [в Евангелии] свое внимание на Божественности Господа, по которой Он равен Отцу, и стремился тщательно изобразить именно это... [Иоанн], преодолев завесу туманов, плотно облегающих землю, вознесся к чистому Небу, откуда с пронизательной и крепкой остротой ума созерцал *в начале Слово Богом у Бога* (ср.: Ин. 1: 1), Которым создано было всё (ср.: Ин. 1:3), и возвестил, что Оно *стало плотью*, чтобы *обитать* среди нас (ср.: Ин. 1:14)... Иоанн... парит, как орел, над мраком человеческой немощи и созерцает свет неизменной истины острейшими и сильнейшими своими очами»¹². И преподобный Феодор Студит в «Похвальном слове в честь великого Иоанна, апостола и евангелиста Христова», также сравнивая Иоанна с небесным орлом, и при этом возвышенно прославляя его как духовного тайнозрителя высот богословия, изъяснителя Домостроительства нашего спасения и свидетеля

11 *Aurelius Augustinus Hipponensis*. In Joannis Evangelium. Tractatus 36. 5 // PL. Vol. 35. Paris, 1845. Col. 1666. Рус. пер.: *Августин Гиппонский, блаж.* Толкование на Евангелие от Иоанна. Рассуждение 36-е // *Августин Гиппонский, блаж.* Толкование на Евангелие от Иоанна. М., 2020. Т. 1. С. 751–752.

12 *Aurelius Augustinus Hipponensis*. De consensu evangelistarum. I. 4. 7; I. 6. 9 // *Августин, епископ Гиппонский, блаж.* Творения. М., 2022. Т. 1. С. 132–133, 136–137 (латинский текст и русский перевод).

победоносного явления в мире освящающей Божественной благодати, восклицает: «Это Иоанн, братия, превосходный апостол, преимуществующий среди евангелистов, орел Божий — великий, златокрылый; неподражаемый исследователь небесной глубины; человек, созерцанием выше херувимов витающий; вестник существования Безначального Слова и для самих ангелов; велегласнейший проповедник истины; ум, зрящий высокое; огненный язык; богоглаголивые уста; беспредельное море мудрости; непостижимая глубина догматов; величайшее хранилище знания; молния Духа, просвещающая мир; вселенский гром благодати; высочайший столп церквей; твердейшее основание Божие; сеть для уловления природы человеческой; удица для душ, до неба простирающаяся... Богом укрепленная мысль; река, изобилующая водами Божией мудрости; чистейший храм девства; любимый истинно Возлюбленным и на груди Его возлежавший; великое солнце Евангелия, торжественно шествующее; благозвучная лира и труба Святого Духа...»¹³

Древнецерковная традиция обращает особое внимание также и на евангельское свидетельство, что Иоанн во время Тайной Вечери, будучи любимым учеником Иисуса, возлежал у Его груди и припадал к ней, задавая тогда вопросы Господу (см.: Ин. 13: 23, 25; Ин. 21: 20). Толкователи придают этому обстоятельству особое духовное значение, видя в том, что Иоанн припадал за Тайной Вечерей ко груди Спасителя и при этом с Ним беседовал, ясное свидетельство того, что Иоанну именно в тот момент и открылись те небесные божественные тайны, которые он затем записал в своем духовном Евангелии, провозгласив их с его страниц, по выражению преподобного Никиты Давида Пафлагона («Слово на святого и всехвального апостола и евангелиста Иоанна Богослова»), как «уста Христовы и язык [Святого] Духа (τὸ στόμα τοῦ Χριστοῦ, ἡ γλῶσσα τοῦ πνεύματος)»¹⁴. И блаженный Августин,

13 *Theodorus Studita*. Oratio IX. Laudatio in S. Joannem Apostolum et Evangelistam. 2 // PG. Vol. 99. Paris, 1860. Col. 772–773A. Рус. пер.: *Феодор Студит, преп.* Похвальное слово в честь великого Иоанна, апостола и евангелиста Христова. 2 // *Феодор Студит, преп.* Творения. М., 2011. Т. 2. С. 416.

14 *Nicetas David Paphlago*. Oratio VI. Laudatio sancti ac celebratissimi apostoli et Evangelistae Joannis Theologi // PG. Vol. 105. Paris, 1862. Col. 101A.

размышляя — в «Рассуждении 61-м» из «Толкования на Евангелие от Иоанна» — о том, что Иоанн возлежал у груди Иисуса, восклицает: здесь «несомненно... тайник премудрости!»¹⁵. Блаженный Августин развивает эту же тему и в нескольких отдельных проповедях. Так, например, в «Проповеди 109-й»¹⁶, комментируя стих Евангелия от Иоанна: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог* (Ин. 1:1), Гиппонский епископ говорит: «Сие начало Евангелия излил святой Иоанн, ибо он испил его из груди Господней... Ведь... святой Иоанн Евангелист возлежал [за Тайной Вечерей]... на груди Господней (ср.: Ин. 13:23). И что же такое, подумаем мы, мог испить тот, кто возлежал на груди Господа? Нет, не будем думать [об этом], а будем пить, ибо и мы... можем пить»¹⁷. Тем самым, в понимании блаженного Августина, грудь Господа подлинно была источником духовных вод высочайшего Богословия и священного Богопознания, откуда испил возлежавший на груди Сына Божия за Тайной Вечерей Иоанн. По Воскресении же Христовом и учреждении Его Церкви эти воды излились и для нас, верующих, как для отныне уже способных, подобно Иоанну, их испить. При этом, если грудь Господа является природным источником тех вод, то они ныне также изливаются для нас и от их уже испившего благовестника Иоанна, который, по дару благодати, сам сделался для них духовным родником и новым руслом, по слову Спасителя: *А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода,*

Следует отметить, что факт церковного почитания этого аскета и духовного писателя первой половины X столетия в лике святых вызывает сомнения у некоторых историков. И все же, в согласии с рядом тех древнецерковных свидетельств, где Никита прямо именуется «святым» и «преподобным», мы можем отнести его именно к числу сподобившихся церковного почитания — в лике святых — подвижников. См.: *Πασχαλίδης Σ. Α. Νικήτας Δαβίδ Παφλαγών: Το πρόσωπο και το έργο του: Συμβολή στη μελέτη της προσωπογραφίας και της αγιολογικής γραμματείας της προμεταφραστικής περιόδου // Βυζαντινά Κείμενα και Μελέται*. Т. 28. Θεσσαλονίκη, 1999. Σ. 115–116; *Луховицкий Л. В.* Никита Давид Пафлагон // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 49. С. 555.

15 *Aurelius Augustinus Hipponensis*. In Joannis Evangelium. Tractatus 61. 6 // PL. Vol. 35. Col. 1801.

16 По нумерации серии PL.

17 *Aurelius Augustinus Hipponensis*. Sermo CXIX // PG. Vol. 38. Paris, 1863. Col. 673–674.

которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную (Ин. 4:14). И вот теперь все мы, христиане, ныне пьем эту воду: в нашей церковной жизни, посредством благодатного участия в Таинствах, молитвенного Богообщения, а также обращения к Евангельскому благовестию, в том числе и к самому духовному из новозаветных писаний — к Евангелию от Иоанна. В следующей своей «Проповеди 120-й»¹⁸, также посвященной истолкованию того же стиха четвертого Евангелия, блаженный Августин продолжает развивать эту же мысль: «Вот начало Евангелия от Иоанна: *В начале было Слово* (Ин. 1:1). Так он [Иоанн] начинает, и это он видел [сам], выступая за пределы всего тварного и превосходя всё: горы, воздух, небеса, звезды, престолы, господства, начала, власти, всех ангелов и архангелов; он видел *Слово в начале* и пил Его. Он зрел превыше всего творения, он пил из груди [Самого] Господа. Ибо святой Иоанн Евангелист есть тот, кого *Иисус* особенно любил — настолько, что он *возлежал на груди* [Христа] на Вечере (ср.: Ин. 13:23). То была тайна, которую [Иоанн] смог испить, чтобы затем излить ее в Евангелии. Блаженны те, кто слышат и постигают»¹⁹.

Подобным же образом рассуждают и греческие церковные писатели, в частности, преподобный Феодор Студит, который высказывает убежденность, что именно за Тайной Вечерей в отношении евангелиста Иоанна, когда он возлежал на груди Христовой, и исполнилось обетование Спасителя о даровании той *текущей в жизнь вечную воды* (ср.: Ин. 4:14), что лишь одна и может утолить нашу духовную жажду Богопознания и Богообщения. Иоанн испил тогда эту воду премудрости из груди Самого Господа. Преподобный Феодор в «Похвальном слове в честь великого Иоанна апостола и евангелиста Христова» говорит: «Вот и возлежание его [Иоанна] на груди [Господа]... Отсюда, как из некоторого источника жизни (ср.: Ин. 4:14), я думаю, он черпает обильные потоки Божественной премудрости, и отсюда же, как из живого чрева, текут реки богословия»²⁰. И преподобный

18 По нумерации серии PL.

19 *Aurelius Augustinus Hipponensis. Sermo CXX // PG. Vol. 38. Col. 676.*

20 *Theodorus Studita. Oratio IX. Laudatio in S. Joannem Apostolum et Evangelistam. 10 // PG. Vol. 99. Col. 785AB. Рус. пер.: Феодор Студит, прен.*

Никита Давид Пафлагон в «Слове на святого и всехвального апостола и евангелиста Иоанна Богослова» рассуждает подобным же образом, свидетельствуя: в своем Евангелии Иоанн «устремляется к высшему и божественнейшему повествованию и, превзойдя всю видимую тварь, острием чистейшего ума достигает, при помощи Духа, природ духовных и премирных; но оставив позади и херувимов, превзойдя и серафимов, он напрямую приступает к Самому Возлюбленному, и мысленно склонив — лучше, чем прежде, — мысленную грудь свою к груди Богоначальнейшей (ср.: Ин. 13:25) и припав внимательным ухом к устам Самой Премудрости, отверз оттуда для себя как бы живой источник возвышенного и Божественного богословия»²¹.

Величие Иоанна Богослова, как того возлюбленного ученика Христова, которому — благодаря его совершенной духовной чистоте и личной святости — с особенной полнотой открылись небесные тайны Божественной жизни, возвышенно прославляет в «Толковании на Евангелие от Иоанна» («Беседа 1-я») и святитель Иоанн Златоуст: «Сын грома [Иоанн]; возлюбленный [ученик] Христов, столп церкви, сущих по вселенной, тот, кто имеет ключи Неба, кто испил чашу Христову и Крещением Его крестился, кто с дерзновением возлег на грудь Господа, — вот он ныне приходит к нам... Он входит в одежде, имеющей красоту безыскусственную; он является нам облеченный во Христа... Местом действия служит для него все Небо; зрелищем — вселенная; зрителями и слушателями — все ангелы и из людей те, которые подобны ангелам, или желают такими сделаться... Апостола этого окружают горние силы, дивясь благообразию души его, разуму и красоте его добродетели, которой он привлек [к себе]

Похвальное слово в честь великого Иоанна, апостола и евангелиста Христова. 10 // *Феодор Студит, преп.* Творения. Т. 2. С. 423.

21 *Nicetas David Paphlago. Oratio VI. Laudatio sancti ac celebratissimi apostoli et Evangelistae Joannis Theologi* // PG. Vol. 105. Col. 121AB. Ср. также рассуждение Оригена: «...начаток всего Писания — Евангелия, начаток же Евангелий — то, которое от Иоанна и чей смысл никто не способен понять, покуда [подобно Иоанну] не припадет к груди Иисуса (ср.: Ин. 13:25)...» (*Origenes. Commentarii in Evangelium Joannis. I. 4* // *Origenes. Werke. Vol. 4* / Ed. E. Preuschen. Leipzig: Hinrichs, 1903. S. 8. Рус. пер.: *Ориген. Толкования на Евангелие от Иоанна. I. 4. С. 35*).